

Музеология и исследования новой материальности

В контексте расширения и диверсификации музейного пространства необходимо вернуться к содержанию понятия «музейный предмет», которое является основным для музейной деятельности и теоретической музеологии. В связи с междисциплинарностью современного гуманитарного знания показана перспективность интеграции представлений о музейном предмете с новыми направлениями исследований материального (material studies), которые непосредственно взаимодействуют с музейной деятельностью, а также влияют на построение новых музеологических теорий. Динамичность новой методологии материальных исследований соотносится с перформативностью современных музейных практик, описывает подвижность соотношений материального, нематериального и цифрового наследия, корректирует понимание музейного предмета и музейной коллекции. Данное направление позволяет на концептуальном уровне обосновать режимы мягкой музеализации как гибридного существования артефакта в музейном и немuseum пространстве, легитимность творческих исследований и интерпретаций артефактов и коллекций, актуальность их вовлечения в музейные практики. Рассматриваемые методики могут стать основанием для фиксации и репрезентации нематериального наследия в музее, а также для создания и развития коллекций оцифрованного и цифрового наследия.

Ключевые слова: музейный предмет, музейная коллекция, музеология, исследования материального, новая материальность, материальная культура, цифровое наследие, музейные практики

Aleksandra N. Balash

Museology and research of new materiality

The expansion and diversification of the museum space prompts researchers to return to the concept of «museum object», which is fundamental for all museum activities and theoretical museology. The interdisciplinary character of modern humanitarian knowledge gives way to the integration of the concepts of a museum object with new areas of material studies. These studies directly interact with museum practice and influence the construction of new museological theories. The dynamism of the new methodology of material research correlates with the performative nature of modern museum practices, therefore accentuating the mercurial relationship between material, intangible and digital heritage, the museum object itself and the museum collection. The developments and conceptual positions of material studies, transferred to museology, make it possible to substantiate the modes of soft musealization as a hybrid existence of an artifact in the museum and non-museum space, the legitimacy of creative research and interpretations of artifacts and collections, the relevance of their inclusion in museum practice. The considered methods can be fundamental not only for the fixation and representation of intangible heritage in the museum, but for creation and development of collections of digitized and digital heritage as well.

Keywords: museum object, museum collection, museology, material studies, new materiality, material culture, digital heritage, museum practices
DOI 10.30725/2619-0303-2022-1-18-23

Расширение музейных практик за счет музеализации и репрезентации нового типа объектов и феноменов нематериального, цифрового и оцифрованного наследия подводит к необходимости существенного уточнения базового аппарата музеологии. Закономерно, что прежде всего необходимость ревизии относится к понятию музейный предмет/музейный объект, являющемуся основным и концептуально образующим всю музейную теорию и практику. В дискуссиях о возможностях выделения музеологии как научной

дисциплины было высказано мнение, что именно вопрос о музейном предмете является стержневым концептом, вокруг которого строится музеологическая теория и происходит поиск оригинального научного метода [1, с. 17]. Существующие в настоящее время музеологические модели акцентируют интеграцию и соотнесение всех этапов создания и существования артефакта в культуре и в музее (С. Пирс) или же обозначают и осмысляют смещение и разрывы контекстов происхождения, бытования и музейной ревалоризации

(З. Странский, П. ван Менш, Э. Таборски). И все же эти тщательно разработанные модели не всегда эффективны по отношению к современной гибридной ситуации, в которой часть артефактов переходит в нематериальность, или же, наоборот, «возвращается» из нее путем контекстуальной и перформативной репрезентации эфемерного; обретает свои оригинальные виртуальные копии или изначально существует как цифровое или нематериальное.

Становятся новой нормой варианты одновременного функционирования артефакта в музейном контексте в качестве музейного предмета и во внемузейном пространстве в качестве интегрированной в него значимой вещи (мягкая музеализация, совместное владение музея и сообществ происхождения, динамическое сохранение) [2, с. 19–20]. Влиятельные произведения и артефакты, физически представленные в музее, обретают двойственный статус прототипа, поскольку их достаточно самостоятельные цифровые копии свободно функционируют в современных медиа и дизайне, обретая множество новых связей и значений. Смыслы и потенциал этих ситуаций требуют изучения, побуждают к возникновению как концептуальных интерпретаций, так и ситуаций включенного наблюдения и реконтекстуализации средствами современного искусства. Можно высказать предположение, что расширение и гибридизация функционирования артефактов в современной культуре открывает новые возможности и дает новый импульс для развития метамузеологии, которая связывает музейные исследования с экспериментальными направлениями гуманитарной мысли. Особенно перспективным в ракурсе заявленной темы диверсификации определения музейного предмета представляется взаимодействие музеологии с исследованиями материального (material studies), которые развиваются, прежде всего, в рамках этнологии и антропологии, захватывая профильные данным дисциплинам музейные собрания.

Методологическим основанием новых исследований материального стали позиции акторно-сетевой теории – одного из наиболее влиятельных концептов рубежа XX–XXI в., в значительной мере стимулировавшего развитие современного гуманитарного знания. Основываясь на положениях Бруно Латура и его последователей, новые исследования материального выявляют и анализируют трансформацию предметной среды культуры, описывают ее процессуальный характер

«в противоположность прежнему взгляду на вещь как равную самой себе и неизменную сущность» [3, с. 7]. Важно, что в фокусе внимания исследователей оказывается подвижный статус материального в современной культуре [4, с. 61, 72], динамика соотношения материальных и нематериальных факторов [5, с. 34], как на макро-, так и на микроконтекстуальном уровне, что определяет проективный аналитический компонент данного научного направления. В то же время разрабатываемая методология, основанная на признании горизонтальных и множественных связей [4, с. 67], позволяет различать и изучать многоуровневые процессы перехода между материальными и нематериальными компонентами в прошлом, что открывает возможности для новых интерпретаций и интеграции культурного и природного наследия в современные исследовательские практики.

Аналогичные задачи стоят и перед музеологией. Прежде всего, это необходимость отбора, коллекционирования и репрезентации артефактов современности в музейных коллекциях и музейных выставочных проектах. «Документирование настоящего» [2, с. 24] составляет комплексную и сложную задачу как в прагматическом аспекте сбора артефактов и «иных источников информации, включая нематериальные» [2, с. 24], так и в условиях дематериализации и медиализации общественной и частной жизни человека, общества и культуры в целом. Динамика, участие в процессах трансформации культуры, моделирование ее возможного будущего – эти установки во многом меняют время музейных коллекций, стимулируют аккумуляцию новых артефактов и новых смыслов, превращают коллекцию в лабораторию исследования современности.

Внимание к процессуальности позволяет иначе видеть и интерпретировать прошлое, по-иному работать с существующими коллекциями, позволяет мыслить их как «пространство, где постоянно происходит процесс формирования новых культурных значений, новых... реалий» [6, с. 20]. Процессуальность усиливает интеграцию и взаимодействие практик сохранения, реставрации и презентации, становится стимулом к развитию самих коллекций и новых методов их научной обработки. В то же время она побуждает исторические музейные коллекции к диалогу с современностью, с актуальными социальными и художественными практиками. «Музеи, обладающие историческими коллекциями, стали самым эффективным испытательным

полигоном для «непрезентистской» мультимедиа «поральной современности» [7, с. 29], – замечает по этому поводу аналитик современного искусства Клер Бишоп. В связи с чем сама музейная коллекция может рассматриваться как креативная технология, направленная не только на реинтерпретацию прошлого, но и на формирование будущего.

Этот подход был последовательно реализован и затем изучен в его промежуточных результатах на материале преобразования этнографических коллекций антропологом и куратором современного искусства Клементин Делисс. В 2010–2015 гг. она занимала пост директора Музея мировых культур (Weltkulturen Museum) во Франкфурте-на-Майне, последовательно решая задачи «ремедиации» [8, с. 71] экспозиции и самой модели музея, опыт которой и был зафиксирован в монографии «Метаболический музей». Серьезное и масштабное исследование, которое, безусловно, требует отдельного анализа и профессиональных дискуссий, представляет опыт преобразований путем привлечения к работе с музейной коллекцией опыта полевой работы, осуществляемого в антропологии и этнологии. Другим важнейшим ресурсом преобразований становится новая междисциплинарная практика креативных исследований, которая в данном случае направлена на артефакты, отобранные приглашенными художниками в музейном собрании: «... внешний взгляд (художника – А. Б.) не следует по проложенным маршрутам. Он выхватывает предмет, дожидается от него отклика, вытаскивает его на свет, вспоминает и по-новому классифицирует посредством неожиданного, многое проясняющего диалога» [8, с. 71]. Перформативным пространством ремедиации как альтернативной репрезентации является экспозиция, временные выставки и творческие лаборатории, которые были созданы при музее. Примечательно, что разговор о ремедиации включен автором в главу «Агентность и музейные собрания» [8, с. 67–74], акцентируя именно эту новую форму музейных взаимодействий как важнейший импульс дальнейшего развития коллекций. В то же время весь текст «Метаболического музея» пронизан одной объединяющей мыслью о необходимости концептуального усложнения современного музейного пространства, структура которого «должна включать в себя междисциплинарные практики, у которых пока нет в музеологии собственного дома. Но их преподают по всему миру, они включают разные подходы к постколониальным и культурным исследованиям, кураторству,

промышленному дизайну, современному искусству» [8, с. 96]. Безусловно, в своих общих подходах, обозначенных как «музей-лаборатория», «музей-университет», К. Делисс развивает авторитетную для современной музеологии концепцию музея как «контактной зоны» Джеймса Клиффорда, который также мыслит глубокое смещение всей системы музейных координат: «не существует главенствующего метода, только эксперименты за рамками застывших дихотомий локального и глобального, структуры и процесса, макро- и микро-, материального и духовного» [8, с. 96].

Во многом интеллектуальным вызовом, оказавшимся совершенно необходимым в контексте сложных экологических, социально-политических и гуманитарных проблем конца XX – первой четверти XXI в., можно назвать установку акторно-сетевой теории и последовавших за ней научных исследований на «пересмотр существующих конвенций относительно роли материальных объектов» [9, с. 12], который носит далеко не завершенный характер. «Теперь мир материальных объектов становится самодостаточным и нейтральным по отношению к человеку, ему уже не требуется опора в мире социальных значений, он ценен сам по себе, и зачастую уже не человек придает смысл вещи, а вещь определяет ценность человека» [6, с. 16], – так обозначает проблему заведующий Отделом этнографии русского народа Российского этнографического музея Д. А. Баранов, отмечая, что последовательно проведенный, этот принцип в корне должен был бы изменить музейную работу, обратить ее к «описанию собирательской, выставочной и исследовательской работы «с точки зрения» вещей» [6, с. 17]. Признавая лишь частичную реалистичность и эффективность данного подхода, Д. А. Баранов отмечает его значение при изучении уникальных аспектов бытования конкретных музейных предметов [10, с. 38], обстоятельства коллекционирования и поступления вещей в музейное собрание [10, с. 39]; в то же время он считает важным и в музейной работе помнить, что «нахождение в составе коллекции – это лишь часть биографии вещи» [10, с. 40]. И все же нужно признать, что для ремедиации, для обоснования возможности творческого моделирования новых горизонтальных связей артефактов внутри и за пределами музейной коллекции представление об агентности вещей имеет решающее значение: «артефакт из коллекции сам генерирует новые и неожиданные толкования. Эти толкования и интерпретации изменчивы, порой несовме-

стимы друг с другом, но ни в коем случае не увековечены в камне. Подобное непостоянство позволяет, например, художнику, встать на позицию «медиатора» определенных, а не «посредника» между ними» [8, с. 69]. В то же время независимый статус вещей является лишь частным случаем более глубокой установки новой научной парадигмы на отказ от традиционных для европейской культуры и философии границ субъектно-объектных отношений, обозначение сложной горизонтальной области человеческих и нечеловеческих (non-human) взаимодействий.

Этот аспект сегодня выходит за рамки породившей их акторно-сетевой теории, вдохновляет широкий спектр научных и социальных поисков [5, с. 31], намечая новую архитектуру культурного пространства: иное отношение к животным, к окружающей природе, к возникающим новым цифровым экосистемам. Дискуссия об уместности и значимости данных представлений по отношению к музейным предметам и коллекциям определяется задачами диверсификации музея в ответ на гуманитарные и экологические вызовы современности.

Эта мысль последовательно проводится в статье профессора Берлинского университета Гумбольдта Ш. Макдональд «Пересобирая музеи. Музеи для возможного будущего» (2020) [11] и новой монографии профессора Университета Западного Сиднея Фионы Камерон «Будущее цифровых данных, наследия и курирования в более, чем человеческом мире» (2021) [12], а также некоторых других более ранних работах того же автора [13; 14]. Не классификация артефактов, а сложные многомерные связи и системы, которые должны научиться представлять и генерировать музейные коллекции и экспозиции, – таким образом формулируется в данных работах основной принцип музейных практик ближайшего будущего.

Переосмысленный потенциал существующих музейных предметов и коллекций стать «хранилищами других способов представления и создания мира» [11, S. 184], Ш. Макдональд выделяет в качестве катализатора новых отношений современные «нарушающие границы» [11, S. 186] (междисциплинарные) выставочные проекты, в которых объединяются различные категории предметов, связанные с различными дисциплинами. Показательны и характерны для современности предлагаемые примеры таких связей и соотношений: археология и технология, естественная история и современное искус-

ство. По мнению профессора Макдональд, «жизнь и опыт объектов – уже собранных, но также и тех, которые еще только могут быть объединены физически или виртуально, – дают импульс для воображения альтернативного мира и других вариантов будущего» [11, S. 186]. Важно, что представляемые на «нарушающих границы» выставках артефакты трактуются именно как акторы, обладающие собственным опытом, который участвует в «постепенном построении общего мира» [15, с. 274], что очевидным образом вдохновлено идеями Б. Латура и еще раз демонстрирует распространение его влияния, в том числе, на музеологию.

Перспективным наброском, который требует дальнейшей разработки, представляется попытка Ш. Макдональд продумать новую роль музейных коллекций, которая переформируется как «практика ухода», «заботы о вещах» и основа кустойчивых режимов работы» [11, S. 186] в новой динамичной музейной модели.

Фиона Камерон более радикально, на концептуальном музеологическом уровне, трансформирует идеи Бруно Латура, акцентируя возможность и даже необходимость «пересборки» не столько социокультурного, сколько всего жизненного пространства человеческого и нечеловеческого, в которую все больше вовлекаются музейные практики. С этих позиций Камерон рассматривает музейные объекты как «социально-материальные композиции», которые находятся в расширенном поле множественных последовательностей, взаимодействий и «запутанностей», получают «многозначное дискурсивное и аффектированное обрамление» [14, р. 351–352]. Таким образом, музейные предметы представляются не столько как объекты, сколько как сложные процессы, что далее приводит к идее снятия понятия «музейный предмет» по отношению к новым формам наследия. Акцентируя процессуальность современных коллекций, Ф. Камерон определяет новое направление музейных исследований как «картографирование» [14, р. 352], и что еще более важно, выходит на формулировку новой функции музея: «посредством выставок и коллекций современные музеи осуществляют проработку и продвижение постчеловеческих практик» [14, р. 349]. Радикальность или же связь данной позиции с предшествующей концепцией музея как институции, вовлеченной в формирование знаний (Э. Хупер-Гринхилл), также становится предметом обсуждения и осмысления [11, S. 185].

Закономерно, что цифровая реальность и начавшийся процесс обретения ею статуса наследия оказались в фокусе внимания нового музеологического направления, которое формируют исследования Ф. Камерон. В рамках данной статьи оправданно охарактеризовать лишь один аспект этих работ: опыт конструирования смыслового поля объекта наследия (а точнее, оспаривание самого факта сохранения и легитимности данного понятия) по отношению к цифровому пространству, в котором разделяются и вместе с тем описываются как взаимосвязанные оцифрованные и собственно цифровые артефакты.

Первые, соответственно, в попытке своего определения проявляют смысловое смещение по отношению к исходным коллекциям и музейным предметам, которое происходит в горизонте таких позиций, как материальность, авторство, аура, аутентичность, репрезентация, аффект, знание, опыт и ценность [13, р. 51]. Суть этого смещения можно обозначить понятием «миграция», которое Бруно Латур предложил по отношению к концепции ауры [16], рассматривая аксиологический статус оцифрованных объектов как актантов в культуре современности.

В связи с тотальной оцифровкой музейных коллекций, использованием оцифрованных образов за пределами музейного пространства, эта позиция является необычайно актуальной. Усиливает ее и значительный поток «бедных изображений» [17, с. 17]: цифровых фотографий, снятых на мобильные телефоны музейными посетителями и функционирующих в социальных медиа, которые активно участвуют в формировании современной зрительской культуры и гибридного музейного пространства.

Именно эти «размытые» образы побуждают размышлять «не о подлинности, аутентичности и первоначальном оригинале, а о реальных условиях существования изображения: о циркуляции, цифровой дисперсии, разорванной и гибкой темпоральности. О сопротивлении и апроприации, и в равной степени – о конформизме и эксплуатации... о действительности» [17, с. 27].

Важный и самостоятельный вопрос представляет корпус цифровых образов, систем и сред, изначально возникающий в виртуальном пространстве, свободный от материальности, а подчас и визуализации, который все более вовлекается «в цикл ценности и потребления наследия» [13, р. 50]. Ф. Камерон последовательно отказывается рассматривать цифровую среду и цифровое наследие с пози-

ций объекта, признавая этот путь более привычным и инструментальным по отношению к работе музея с коллекциями и музейными предметами, но затрудняющим понимание уникальных и качественно отличных свойств нечеловеческих систем, с которыми активно взаимодействует сегодня человечество.

На этом основывается полемика Ф. Камерон с влиятельной сегодня объектно-ориентированной онтологией, которая также имеет перспективы для интеграции в музеологические концепты.

Особенно перспективной представляется осуществляемая в рамках данного направления редукция концепции события, доминирующей в современной гуманитарной мысли и культурных индустриях, перераспределение ценностных доминант и указание на первичную значимость самих объектов, «находящихся глубже всех и всяческих отношений» [18, с. 206]. Позиция, обозначенная лидером объектно-ориентированной онтологии Грэммом Харманом, диаметрально противоположна последовательному отрицанию объекта в разрабатываемой Ф. Камерон «more-than-human digital museology» [12].

Это латентное пока противостояние, так же как влиятельная и активная интеграция новых исследований материального в современные музейные практики, демонстрируют разнообразие дискурсов, восходящих к акторно-сетевой теории. Продуктивность подобной ситуации подкрепляется самим первоисточником новых теорий, призывом Б. Латура «рассматривать все неопределенности, сомнения, смещения и замешательства как свою опору» [19, с. 69].

В настоящее время продолжается дискуссия по поводу нового, внеинституционального, определения музея как «гуманизирующего пространства», которое было предложено в качестве рабочего варианта на XXV генеральной конференции ИКОМ в Киото в 2019 г. Представляется, что закономерным этапом этой дискуссии должна быть (и уже становится) ее фокусировка на актуальных смыслах и значениях музейного предмета, фиксация его позиций в расширенном музеальном контексте. Эта дискуссия начинается и самим рабочим определением, указывающим право равной доступности сообществ к сохраняемому музейным артефактам. Рассмотренные в статье концептуальные подходы, безусловно, интегрируются в это интеллектуальное поле, предлагая более радикальные позиции и позволяя задуматься о вариативности и маргиналиях возникающих здесь смыслов.

Список литературы

1. Мересс Ф. О будущем музеологии: несколько замечаний к русскому изданию диссертации Петера ван Менша // Ван Менш П. К методологии музеологии. Москва: Перспектива, 2018. С. 13–23.
2. Ван Менш П., Мейер-ван Менш Л. Новые тренды в музеологии. Москва: Перспектива, 2021. 128 с.
3. Незамеченные революции. Вопросы редколлегии // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 7–8.
4. Соколовский С. В. О новой материальности и тихих революциях // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 61–72.
5. Вахшттайн В. С. Три поворота к «нематериальному» // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 22–37.
6. Баранов Д. А. Незамеченные революции // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 15–22.
7. Бишоп К. Радикальная музеология. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014. 96 с.
8. Делисс К. Метаболический музей. Москва: Музей современ. искусства «Гараж», 2021. 136 с.
9. Артюшина А. В. Незамеченные революции // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 9–15.
10. Баранов Д. А. Об этнографическом измерении материальности // Петербургские славянские и балканские исследования. 2018. № 2 (24), июль–декабрь. С. 36–56.
11. Macdonald Sh. Re: Worlding the Museum or, the Museum for possible futures // *Das Museum der Zukunft*. Regensburg: Fredrich Puster CmbH&Co, 2020. S. 183–188.
12. Cameron F. R. *The Future of Digital Data, Heritage and Curation: in a More-than-Human World*. London: Routledge, 2021. 308 p.
13. Cameron F. *Beyond the Cult of the Replicant: Museum and Historical Digital Objects: Traditional Concerns, New Discourses* // *Theorizing Digital Cultural Heritage: A Critical Discourse* / ed. F. Cameron, S. Kenderdine. Cambridge; London: The MIT Press, 2007. P. 49–75.
14. Cameron F. *Posthuman Museum Practices* // *Posthuman Glossary* / ed. R. Braidotti, M. Hlavajova. London; New York: Bloomsbury Academic, 2018. P. 349–352.
15. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
16. Latour B., Lowe A. *The migration of the aura or how to explore the original through its facsimilies*. URL: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/108-ADAM-FACSIMILES-GB.pdf> (дата обращения 5.11.2021).
17. Штейрель Х. В защиту бедного изображения // Штейрель Х. По ту сторону репрезентации. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2021. С. 17–27.
18. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». Москва: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
19. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

References

1. Meress F. On the future of museology: a few comments on the Russian edition of Peter van Mensch's dissertation. *Van Mensch P. Towards a methodology of museology*. Moscow: Perspektiva, 2018. 13–23 (in Russ.).
2. Van Mensch P., Mejer-van Mensch L. Current trends in museology. Moscow: Perspektiva, 2021. 128 (in Russ.).
3. Invisible revolutions. Editorial Board Questions. *Forum for Anthropology and Culture*. 2015. 24, 7–8 (in Russ.).
4. Sokolovskij S. V. About new materiality and quiet revolutions. *Forum for Anthropology and Culture*. 2015. 24, 61–72 (in Russ.).
5. Vahtshtajin V. S. Three turns to «immaterial». *Forum for Anthropology and Culture*. 2015. 24, 22–37 (in Russ.).
6. Baranov D. A. Invisible revolutions. *Forum for Anthropology and Culture*. 2015. 24, 15–22 (in Russ.).
7. Bishop K. Radical museology. Moscow: Ad Marginem Press, 2014. 96 p. (in Russ.).
8. Deliss C. Metabolic Museum. Moscow: Museum of modern art «Garage», 2021. 136 (in Russ.).
9. Artjushina A. V. Invisible revolutions *Forum for Anthropology and Culture*. 2015. 24, 9–15 (in Russ.).
10. Baranov D. A. On the ethnographic dimension of materiality. *Petersburg Slavic and Balkan Studies*. 2018. 2 (24), 36–56 (in Russ.).
11. Macdonald Sh. Re: Worlding the Museum, or the Museum for possible futures. *Das Museum der Zukunft*. Regensburg: Fredrich Puster CmbH&Co, 2020. S. 183–188.
12. Cameron F. R. *The Future of Digital Data, Heritage and Curation: in a More-than-Human World*. London: Routledge, 2021. 308 p.
13. Cameron F. *Beyond the Cult of the Replicant: Museum and Historical Digital Objects: Traditional Concerns, New Discourses*. *Theorizing Digital Cultural Heritage: A Critical Discourse* / ed. F. Cameron, S. Kenderdine. Cambridge; London: The MIT Press, 2007. 49–75.
14. Cameron F. *Posthuman Museum Practices*. *Posthuman Glossary* / ed.: R. Braidotti, M. Hlavajova. London; New York: Bloomsbury Academic, 2018. 349–352.
15. Latour B. Politics of nature. How to instill democracy in the sciences. Moscow: Ad Marginem Press, 2018. 336 (in Russ.).
16. Latour B., Lowe A. *The migration of the aura or how to explore the original through its facsimilies*. URL: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/108-ADAM-FACSIMILES-GB.pdf> (accessed: Nov.05.2021).
17. Steyerl H. In defense of the poor image. Steyerl H. *Beyond representation*. Nizhny Novgorod: Krasnaja lastochka, 2021. 17–27. (in Russ.).
18. Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything*. Moscow: Ad Marginem Press, 2021. 272 (in Russ.).
19. Latour B. *Reassembly of the social: an introduction to the actor-network theory*. Moscow: Publ. house of the Higher School of Economics, 2014. 384 (in Russ.).